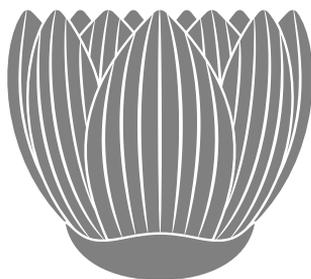

Читайте также в серии:

«Смерть пахнет сандалом»

«Страна вина»

«Большая грудь, широкий зад»

МО
ЯНЬ

Лягушки

INSPIRIA

Москва
2024

УДК 821.581-31
ББК 84(5Кит)-44
Я67

Mo Yan
FROG

Copyright © 2009, Mo Yan
All rights reserved

Перевод с китайского *Игоря Егорова*

В коллаже на обложке и внутреннем оформлении
использованы иллюстрации:
© ShiipArt, Eroshka / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Янь, Мо.

Я67   *Лягушки / Мо Янь ; [перевод с китайского И. Егорова]. — Москва : Эксмо, 2024. — 384 с.*

ISBN 978-5-04-199521-8

Китай. Вторая половина XX века. Вань Синь — одна из первых настоящих акушерок, благодаря ей на свет появились сотни младенцев. Но наступила новая эра — государство ввело политику «одна семья — один ребенок».

Страну обуял хаос. Призванная дарить жизнь, Вань Синь помешала появлению на свет множества детей и сломала множество судеб. Да, она выполняла чужую волю и действовала во имя общего блага. Но как ей жить дальше с этим грузом?

**УДК 821.581-31
ББК 84(5Кит)-44**

ISBN 978-5-04-199521-8

© Егоров И., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Уважаемый сенсей Йошихито Сугитани, Прошло всего несколько месяцев, как мы расстались, но у меня как сейчас перед глазами дни, проведенные вместе с утра до вечера в моих родных местах. Мы глубоко тронуты тем, что, несмотря на преклонные года и немощь, Вы пересекли моря и страны и приехали сюда, в эти отсталые, глухие места, чтобы живо побеседовать со мной и местными любителями литературы. Ваш обстоятельный доклад на тему «Литература и жизнь», с которым Вы выступили перед нами на второй день нового года утром в актовом зале уездного гостевого дома, мы записали на магнитофон и уже перенесли на бумагу. Это позволит осуществить нашу мечту: напечатать его ограниченным тиражом в журнале «Вамин»¹, уездном издании по литературе и искусству, чтобы те, кто не смог в тот день прослушать Ваше выступление, тоже получили возможность изведать изящество Вашей речи и получить пользу от Ваших наставлений.

В то утро мы вместе сходили навестить мою тетушку по отцу, более пятидесяти лет проработавшую акушером-гинекологом. Говорит она очень быстро, да еще с ярко выраженным местным говорком, поэтому Вы наверняка не все поняли из ее рассказа, но Вы ему поверили, и это, конечно, произвело на Вас глубокое впечатление. В своем выступлении на второй день нового года Вы неоднократно приводили ее в качестве примера, чтобы

---

¹ Досл. «лягушачье кваканье».

проиллюстрировать свои литературные взгляды. Вы говорили, что у Вас в голове уже сформировался образ женщины-врача, которая мчится на велосипеде по скованной льдом реке; с медицинской сумкой за плечами и зонтиком в руке, закатав штанины, шагает вперед, несмотря на кишащих вокруг лягушек; измазанными в крови руками со звонким смехом принимает ребенка; беспокойно курит в небрежно накинутом халате... Эти образы в Вашей речи то составляли одно целое, то разбивались каждый по отдельности, словно набор изваяний одного и того же человека. Вы вдохновляли любителей литературы нашего уезда на то, чтобы на основе жизни моей тетушки создать волнующие произведения — повесть, поэму, пьесу. Какой творческий энтузиазм Вам удалось поднять, сенсей, сколько людей загорелись желанием это осуществить! Один собрат по перу из уездного дома культуры уже пишет роман о деревенской акушерке. Не хочу перебегать ему дорогу, хоть я в биографии тетушки разбираюсь куда больше, чем он, но раз уж пишет, пусть пишет. Я, сенсей, задумал написать о жизни тетушки пьесу. Когда вечером того второго дня нового года мы сидели рядом на кане¹ и вели оживленную беседу, Вы дали высокую оценку пьесам французского писателя Сартра и подробнейшим образом анализировали их со своей оригинальной точки зрения, и меня точно осенило, будто завеса с глаз упала! Я должен написать замечательную пьесу, такую как «Мухи», «Грязными руками», решительно устремиться к цели великого драматурга. Я следовал Вашему наставлению: не надо торопиться, мало-помалу, терпеливо, как лягушка, сидящая на листе лотоса и поджидающая какую-нибудь козявку; а обдумав, братья за кисть, стремительно, как лягушка прыгает за этой козявкой.

Когда я провожал Вас в аэропорту Циндао, Вы выразили надежду, что я сообщу Вам историю тетушки в виде письма. Тетушкина жизнь еще не завершилась, но ее уже можно описывать такими возвышенными выражениями, как «величественная и грандиозная», «нестабильная и колеблющаяся». Историй про нее столько, что не знаю, какой длины получится это письмо. Вы меня, пожалуйста, извините, но позвольте

---

¹ Кан — отапливаемая лежанка в традиционном китайском доме.

Лягушки

уж, я буду писать как придется, куда допишу, и хорошо, как долго смогу писать, столько и напишу. В эпоху компьютеров писать письма кистью на бумаге уже стало считаться расточительством, но это и радость. Так что хочется, чтобы Вы, получая мои письма, тоже могли испытывать радость, как в стародавние времена. Заодно сообщаю, что мне сказал по телефону отец: в двадцать пятый день первого месяца на старой сливе у нас во дворе, той, про которую Вы из-за ее причудливой формы сказали, что она «брызжет талантом», распустились красные цветы. Множество людей приходит к нам во двор полюбоваться ею, тетушка тоже приходила. Отец говорит, что в тот день случился большой снегопад, пушистые снежинки пахнут цветами сливы, и аромат стоит такой, что сразу проясняется в голове.

*Ваш ученик Кэдоу (Головастик)
21 марта 2002 года, Пекин*

В наших краях, сенсей, издавна повелось нарекать ребенка при рождении какой-нибудь частью тела или органом. Например, Чэнь Би (Нос), Чжао Янь (Глаз), У Дачан (Толстая Кишка), Сунь Цзянь (Плечо)... Отчего так повелось, я не разобрался, наверное, склад ума такой, когда считают, что чем дряннее имя, тем дольше жизнь, или матери так головой подвигаются, что, мол, ребенок — кусочек плоти ее. Теперь это не в ходу, молодые родители не желают называть детей такими странными именами. Нынче у нас по большей части выбирают имена изящные и своеобразные, как у героев гонконгских, тайваньских и южнокорейских телесериалов. Дети, которых когда-то называли по частям тела, в основном поменяли имена на более благозвучные, но есть и такие, кто не поменял, как, например, Чэнь Эр (Ухо) или Чэнь Мэй (Бровь).

С отцом Чэнь Эр и Чэнь Мэй — Чэнь Би, другом моего детства, мы учились в начальной школе. Осенью 1960 года мы поступили в начальную школу Даянлани. Время было голодное, и все события, глубоко врезавшиеся в память, по большей части связаны с едой. К примеру, как в случае, когда мы ели уголь, я об этом когда-то рассказывал. Многие считают, что это мои досужие выдумки, я же клянусь именем моей тетушки: никакие это не выдумки, все именно так и было.

Это была целая тонна высококачественного угля с шахты Лункоу, он посверкивал, а в расколотые места можно было смотреться как в зеркало. Такого прекрасного угля я никогда

больше не видел. За ним ездил на телеге в уездный город искусный деревенский возница Ван Цзяо (Нога). С квадратной головой и толстой шеей, он заикался, метал злобные взгляды, когда говорил, и лицо его багровело от злости. Его сын Ван Гань (Печенка) и дочка Ван Дань (Желчный Пузырь), двойняшки, учились вместе со мной. Ван Гань высоченный, а Ван Дань — из тех миниатюрных девочек, которые так никогда и не вырастают — грубо говоря, коротышка. Все говорили, что в утробе матери Ван Гань урывал себе все питание, вот Ван Дань и не росла. Во время выгрузки угля как раз закончились уроки, и все с ранцами за плечами окружили это место: поглазеть на происходящее. Ван Цзяо большой железной лопатой сгребал уголь с телеги. С шумом сыпался кусок за куском. Шея у Ван Цзяо взмокла, и он стал вытирать ее завязанным на поясе куском синей ткани. При этом он заметил сына и дочку и заорал: «Домой давайте, косить надо!»

Ван Дань повернулась и припустила бегом — бежала она, переваливаясь с боку на бок, будто центр тяжести у нее был неустойчивый, словно она только что научившийся ходить ребенок, но получалось очень мило. Ван Гань же укрылся позади всех, но не ушел. Работой отца он очень гордился. Теперешние школьники, даже если у них отцы самолетами управляют, не испытывают такой гордости, как тогда Ван Гань. Эх, большая телега, с каким грохотом ты несешься, вздымая колесами клубы пыли! В твоей упряжке бывший армейский жеребец с тавром на крупе, он когда-то возил вьюки со снарядами, говорят, имеет боевые заслуги. Пристяжным у него норовистый мул, этот может лягнуть и поранить, да и кусаться горазд. Норовом он хоть и скверный, но силен неимоверно и бежит резво. С овладеть с этим бешеным мулом один Ван Цзяо и может. Многие из деревенских завидуют его положению, но, завидев мула, отступают в сторону. Этот мул уже двоих детей покусал: Юань Сая (Щека), сына Юань Ляня (Лицо), а другой оказалась Ван Дань. Когда телега стояла у ворот их дома, она подошла к мулу поиграть, а тот цапнул ее зубами за голову.

Мы все благоговели перед Ван Цзяо. Ростом метр девяносто, широченные плечи, сильный как бык, ухватит каменный каток

весом две сотни цзиней¹ и поднимает над головой. Но более всего нас восхищал его волшебный кнут. В тот раз, когда этот бешеный мул укусил Юань Сая за голову, он поставил телегу на тормоз, встал, расставив ноги, с обеих сторон оглоблей и принялся орудовать кнутом, охаживая мула по крупу и оставляя после каждого звонкого удара кровавую полосу. Поначалу мул еще взбрыкивал, но через какое-то время задрожал всем телом, рухнул на передние ноги, опустив голову и задрав излупцованный зад, и стал грызть землю. Тут отец Юань Сая, Юань Лянь, взмолился: «Ты уж пощади его, старина Ван!» Только тогда разъяренный Ван Цзяо остановился. Юань Лянь — секретарь партячейки, самый большой начальник в деревне, его Ван Цзяо не мог послушаться. А когда этот бешеный мул укусил Ван Дань, мы предвкушали еще одно представление, но Ван Цзяо кнут в ход не пустил. Он зачерпнул пригоршню извести из кучи у дороги, насыпал на голову Ван Дань и отнес ее домой. Мула не тронул, зато вытянул кнутом жену и дал пинка Ван Ганю. Размахивая руками, мы оживленно обсуждали гнедого буяна. Худющий, кожа да кости, глубокие — куриное яйцо поместится — впадины над глазами. Взгляд горестный, будто того и гляди расплачется. Мы представить не могли, что в этом тщедушном теле может скрываться такая силища. Болтая, мы приближались к мулу, пока Ван Цзяо не перестал сгружать уголь и не уставился на нас таким свирепым взглядом, что мы один за другим отступили. Гора угля перед школьной столовой росла, а на телеге его становилось все меньше. Мы не сговариваясь принялись втягивать носами воздух, потому что ощутили странный аромат. Пахло горячей канифолью, а еще жареной картошкой. Обоняние заставило нас обратить взоры на кучу блестящих кусков угля.

Ван Цзяо хлестнул упряжку, и телега тронулась со двора. Но мы не устремились вдогонку, как раньше, чтобы попрыгать вволю, рискуя получить кнутом по голове. Наши остановившиеся взгляды постепенно переместились на кучу угля. Мимо, с двумя ведрами воды враскачку, проходил повар, почтенный Ван. Его дочь Ван Жэньмэй тоже училась вместе с нами, а впо-

¹ Цзинь — мера веса, 0,5 кг.

следствии стала моей женой. Ее — большая редкость в то время — не назвали какой-нибудь частью организма, потому что повар Ван — человек образованный. Раньше он был заведующим животноводческой станцией коммуны, но потом за неподобающие речи его сняли с должности и вернули в родную деревню. Почтенный Ван с подозрением глянул на нас. Неужели подумал, что мы рванемся на кухню, чтобы стянуть что-нибудь съестное? Потому что он прикрикнул: «А ну катитесь отсюда, щенки! Поесть вам здесь нечего, домой вернетесь, у мамки сиську пососите». Мы, конечно, услышали, что он сказал, даже поразмыслили над его предложением, но он явно просто отругал нас. Нам всем уже по семь-восемь лет, какое грудное молоко? Мы бы его и попили, но откуда ему взяться у наших матерей, полуживых от голода, с обвисшими грудями? Но никто с ним даже спорить не стал.

Мы стояли перед кучей угля, опустив головы и наклонившись, словно геологи-любители, обнаружившие некий странный минерал; мы принюхивались, как собаки, наткнувшись на развалинах на что-то съестное. Тут нужно прежде всего поблагодарить Чэнь Би, а еще Ван Дань. Именно Чэнь Би первым поднял кусок угля, поднес себе под нос и нахмурился, словно обдумывал нечто важное. Его нос — большой, с горбинкой — всегда был объектом наших насмешек. Подумав, он с силой ударил куском, который держал в руке, о другой кусок побольше. Уголь звонко раскололся, и вокруг разнесся сильный аромат. Чэнь Би подобрал отколовшийся кусочек, другой подняла Ван Дань. Он лизнул его, оценивая на вкус, и обвел нас округлившимися глазами; она по его примеру тоже лизнула уголек, глядя на нас. Потом они переглянулись, хихикнули и не сговариваясь осторожно откусили немного передними зубами, пожевали, потом откусили еще, яростно жуя. Их лица осветились радостью. Большой нос Чэнь Би покраснел и покрылся капельками пота. Носик Ван Дань почернел от угольной пыли. Мы словно замороженные слушали, как хрустят у них на зубах кусочки угля. И, раскрыв рот, следили, как они стараются их проглотить. В конце концов им это удалось. «Ребята, вкусно!» — приглушенным голосом проговорил он. «Братцы, налетай быстреей!» — громко пискнула

она. Схватив еще один кусок, он принялся жевать еще яростнее. А она ухватила ручонкой кусок побольше и подала Ван Ганю. Мы принялись, как они, раскалывать большие глыбы, собирать осколки, пробовать. Уголь скрипел на зубах, но на вкус был неплох. «Вот так надо есть, народ, так вкуснее», — подняв вверх кусок угля, бескорыстно делился с нами опытом Чэнь Би. «Вот здесь вкусно, сосной пахнет», — говорил он, указывая на полупрозрачные, желтоватые места, похожие на янтарь.

У нас уже шли уроки природоведения, и мы знали, что уголь образовался много веков тому назад в погребенных в земной коре лесах. Природоведение у нас вел директор школы У Цзиньбан. Его объяснениям мы не верили, не верили и тому, что написано в учебнике. Леса ведь зеленые, как они могут превратиться в черный уголь? Мы считали его рассказы и написанное в учебнике ерундой. И только обнаружив, что от угля пахнет сосной, мы поняли, что директор не обманывает и учебник тоже. В классе нас тридцать пять учеников, и, кроме двух девчонок, все в сборе. Каждый держал в руках кусок угля, со скрежетом кусая, с хрустом жуя, и на лицах светились возбуждение и таинственность. Мы будто проводили импровизированное представление, словно играли в какую-то диковинную игру.

Сяо Сячунь (Нижняя губа) вертел кусок угля в руках, но не ел, и лицо его выражало презрение. Не ел он уголь, потому что не хотел есть, а не хотел есть, потому что его отец был кладовщиком на продовольственном складе коммуны. С измазанными в муке руками выбежал изумленный повар Лао Ван. Силы небесные, да у него все руки в муке! В те времена помимо директора нашей школы и завуча в школьную столовую ходили еще и двое живущих в деревне ганьбу — ответственных партработников коммуны. «Дети, что вы делаете? — спросил он. — Вы... уголь едите? Разве его можно есть?» Ван Дань подняла ручонками большой кусок и пропищала: «Вкуснятина, дядюшка, вот попробуй». Тот замотал головой: «Ван Дань, такая маленькая, а туда же, безобразничать с этими озорниками». — «Правда вкусно, дядюшка», — с этими словами Ван Дань откусила еще кусочек. Уже спустились сумерки, солнце

клонилось к западу. Прикатили на велосипедах столовавшие здесь партработники. Они тоже обратили на нас внимание. Лао Ван стал было разгонять нас, размахивая коромыслом. Его остановил ганьбу по фамилии Янь — вроде он был заместителем управляющего, некрасивый такой. Махнув рукой, он повернулся и проскользнул на кухню.

На другой день в классе мы слушали учителя и жевали уголь. Губы черные, уголки ртов в угольной пыли. Жевали не только мальчики, не присутствовавшие накануне на празднике поедания угля девочки по примеру Ван Дань тоже принялись есть. Дочь повара Лао Вана — моя первая жена — Ван Жэньмэй ела с удовольствием. Сейчас я вспоминаю, что хроническим парадонтитом она, наверное, была обязана тому, что у нее весь рот был в крови, когда она ела уголь. Учительница Юй написала на доске несколько строчек и повернулась к нам. Сперва она спросила своего сына, нашего одноклассника Ли Шоу: «Шоу, что это вы едите?» — «Это мы уголь едим, мама». — «Учительница, мы уголь едим, хотите попробовать?» — Это громко выкрикнула — ее громкий крик походил на верещание маленькой обезьянки — со своего места в первом ряду Ван Дань. Сойдя с кафедры, учительница взяла у нее кусок угля, поднесла под нос и вроде бы понюхала. Довольно долго молчала, а потом вернула его Ван Дань. «Ребята, — сказала она, — сегодня начинаем урок шестой, “Ворона и лисица”. Ворона раздобыла кусок мяса и очень довольная уселась на ветку дерева. Оказавшаяся под деревом лисица сказала ей: “Как прекрасно ты поешь, госпожа Ворона, когда ты поешь, всем птицам мира приходится закрывать рот”. От лисицыной лести у вороны закружилась голова, она раскрыла клюв и каркнула, мясо выпало — и прямо лисице в рот». Вслед за учительницей мы прочитали весь текст вслух, повторяя за ней черными как вороново крыло губами.

Наша учительница человек образованный, а вот, уважая обычаи наших мест, взяла и назвала своего сына Ли Шоу. Отлично учившийся Ли Шоу впоследствии поступил в медицинский институт, а по окончании работал хирургом в уездной больнице. Когда Чэнь Би отхватил себе четыре пальца соломорезкой, три из них Ли Шоу ему пришил.

2

Почему Чэнь Би родился с большим носом, не таким, как у всех? Наверное, это может объяснить только его мать.

Отец Чэнь Би, Чэнь Э (Лоб), второе имя — Тяньтин (Переносица), был в нашей деревне единственным обладателем двух жен. Чэнь Э изрядно знал грамоту, до Освобождения¹ владел сотней му² отличной земли, открыл винокурню, а еще торговал в Харбине. Старшая жена у него была местной, родила ему четырех дочерей. Перед Освобождением Чэнь Э сбежал, потом, году в тысяча девятьсот пятьдесят первом, Юань Лянь с двумя ополченцами арестовал его где-то на северо-востоке. В бега он ударился один, жену и дочерей бросил дома, а вернулся с женщиной, светловолосой и голубоглазой. На вид лет тридцать с небольшим, и звали ее Ай Лянь. В руках она держала пеструю собачонку. Эта женщина заключила с Чэнь Э брак еще до Освобождения, поэтому у него получилось две законные жены. Несколько деревенских холостяков из бедноты были крайне недовольны этим и наполовину в шутку, наполовину всерьез требовали, чтобы он отдал одну им в пользование. Чэнь Э зубоскалил, но по выражению лица было не разобрать, плачет он или смеется. Поначалу обе жены жили в одном дворе, но потом начались потасовки и жуткие скандалы, и через Юань Ляня было достигнуто согласие, что младшая жена займет две пристройки рядом со школой. В здании школы раньше располагалась винокурня семьи Чэнь Э, и эти две пристройки тоже принадлежали его семье. Чэнь Э договорился с женами, что будет жить с ними по очереди. Собачонку, которую привезла с собой на руках светловолосая женщина, затюкали местные псы, и она сдохла. Похоронила ее Ай Лянь, когда уже ходила с большим животом, и вскоре после этого родился Чэнь Би. Поэтому и стали говорить, что Чэнь Би — перевоплощение той пестрой собачонки. Он обладал отменным нюхом, так что, возможно, какая-то связь и была. Тетушка моя в то время уже изучала в уезде новые

---

¹ То есть до 1949 года, когда в Китае победили коммунисты.

² Му — мера площади, $\frac{1}{15}$ га.

методы родовспоможения и стала первой в округе профессиональной акушеркой. Шел тысяча девятьсот пятьдесят третий год.

В том году деревенские жители еще сопротивлялись родам по-новому из-за вздорных сплетен, которые распускали повитухи. Они говорили, что дети, рожденные по-новому, могут стать умственно отсталыми. Почему они распускали эти слухи? Да потому, что как только новые методы получают распространение, они лишаются заработка. За рождение ребенка они могли поесть до отвала в доме роженицы, а кроме того, получить два махровых полотенца и десяток яиц. При одном упоминании об этих повитухах тетушка начинала скрипеть зубами. Она говорила, что просто не представляет, сколько младенцев и рожениц погубили эти старые ведьмы. И описывала свои жуткие впечатления. Почти все эти повитухи отпускали длинные ногти, в глазах у них сверкал дьявольский зеленый огонь, а изо рта шел тошнотворный запах. По словам тетушки, они давили животы беременных скалками. А еще затыкали рот роженицам тряпками, будто ребенок мог выскочить через рот. Тетушка говорила, что у них нет ни малейших знаний по анатомии, и они совершенно не разбирались в физиологическом строении женского организма. Столкнувшись с трудными родами, они могли засунуть руку в родовые пути и тянуть изо всей силы, так, что, бывало, плод вместе с маткой вытаскивали. Довольно долгое время, предложи мне отобрать самых ненавистных людей, чтобы поставить к стенке, я не задумываясь сказал бы — повитухи. Впоследствии я стал понемногу понимать, отчего тетушка так горячилась. Подобные невежественные повитухи с их дикими методами наверняка существуют, но есть и опытные, постигшие на себе тайны женского организма. Повитухой, по сути дела, была моя бабка. Она была из тех, кто придерживался принципа «правления недеянием»¹, полагая, что «тыква упадет сама, когда созреет», что хорошая повитуха должна больше подбадривать роженицу, а когда ребенок родился, отрезать ножницами пуповину, приложить негашеной извести,

---

¹ «Править недеянием» — один из конфуцианских принципов, руководство народом одним лишь собственным примером.